

С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова

**МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ:
КАЗАНЬ ПОСЛЕДНИХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ**

Малышева Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Неудачный опыт «умиротворения» и мультикультурализма в современном мире заставляет пристальнее взглянуть на те регионы, где межкультурные взаимодействия исторически были и остаются наиболее интенсивными. К ним, в частности, относится Россия – страна с многонациональным населением, а внутри нее – регионы, где исторически сложились модели толерантного сосуществования представителей различных народов и конфессий. К ним, безусловно, можно отнести и современную Республику Татарстан – территорию с многонациональным и мультиконфессиональным автохтонным населением. Она на протяжении веков «впитывала» в себя потоки мигрантов из различных регионов и стран и органично адаптировала их социальный, культурный, научный, хозяйственный и технологический опыт. Она всегда представляла собой «ментальную границу» между Европой и Азией, между российскими «Западом» и «Востоком», являясь своеобразным местом встречи культур.

Ускорившееся на протяжении двух последних столетий индустриальное развитие усилило процессы миграции и межкультурного взаимодействия, в регионах, подобных Татарстану, потребовало углубленного научного изучения «татарстанской модели» межнациональных отношений, отмеченной высокой степенью диалогичности и взаимопонимания. Здесь необходимо обратиться к принципиально важному для понимания нынешней татарстанской

ситуации этапу российской истории – 70–80-м годам XX в. Это было время кульминации и излета существования сообщества, получившего название «новой исторической общности – “советский народ”». Принадлежность к этой общности стала – или, по крайней мере, должна была стать, – основой обретения советским человеком надэтнической идентичности, которая мыслилась (а отчасти – была) важным фактором гармонизации мультикультурного разнообразия страны. Последние советские десятилетия стали противоречивым временем: с одной стороны, миллионы граждан огромной страны идентифицировали себя в качестве «советских людей», части «советского народа»; с другой – именно тогда обнаружились и все чаще стали проявляться противоречия «интернациональной» политики, вылившиеся к концу XX в. в сложные национальные процессы и драматичные, подчас трудноразрешаемые конфликты.

Большевики в свое время умело использовали фактор мультикультурности бывшей Российской империи и неудовлетворенность этноконфессиональных групп населения объемом прав в культурной, политической и экономической областях. В условиях Гражданской войны, когда большинство их оппонентов апеллировало к идее «единой и неделимой России», к духовному потенциалу православия, большевики поддерживали надежды лидеров национальных движений и национальной интеллигенции не только на «культурную автономию», но и на политическое представительство и даже политическую институционализацию отдельных наций. Процесс конструирования национальных республик завершился образованием в декабре 1922 г. СССР, включившего в себя (и продолжавшего включать по мере их создания и изменения конфигурации) квазигосударственные образования, призванные удовлетворить политико-экономические притязания элит титульных этнических групп. Одним из таких образований явилась и созданная в соответствии с декретом ВЦИКа и СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика (АТССР).

По мере укрепления советской власти и советского государства, устранения политических конкурентов необходимость «заигрывания» с этноконфессиональными элитами отпала. В массовом сознании сформировались определенные этнические стереотипы (украинку, к примеру, опознавали по ленте на венке, таджика – по характерной тюрбетейке), а этничность обрела жесткие институциональные рамки, став государственным средством бюрократического управления и классификации населения («пятый пункт» советских анкет – «национальность» и соответствующая строчка в паспорте соседствовали с пунктом о социальном происхождении, постепенно утрачивавшим свое значение). Этничность, понимаемая как передаваемое биологическим путем качество, превратилась в СССР, по словам известного социолога

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

и исследователя национализма Роджера Брубейкера, в «партикуляристский категориальный атрибут» [1, с. 75].

«Этнизировав» культурное многообразие страны и ее населения, следовало обосновать идею гармонизации этого многообразия. Такой идеей стала надэтническая идентичность, приписываемая отдельным этническим группам (советские нации), отдельному индивидууму (советский человек) и всему этническому многообразию в целом (новая историческая общность – советский народ). Так создавалась «множественная идентичность» индивидов, одновременно принадлежащих определенной этнической (культурной) группе и надэтнической группе – «советскому народу». Кажущаяся противоречивость «множественной идентичности» снималась доминированием советского начала [4, с. 43–44]. В этом плане «советским мультикультуралистам» удалось то, что пока не удастся воплотить либерально-демократическим европейским политикам: создать пространство межкультурной коммуникации, в котором мог осуществляться баланс между общим и частным. Проект «советский народ» следует признать одним из наиболее удачных проектов советских политиков и идеологов. Ведь до сих пор (как показывают и материалы проведенного нами анкетирования, речь о котором пойдет ниже) принадлежность к этому воображаемому сообществу (в прошлом или даже в настоящем) существенным образом влияет на самоидентификацию людей до 1970-х годов рождения включительно, т.е. представителей почти всех ныне живущих советских поколений.

Распад СССР, а вместе с ним – политическая дискредитация проекта «советский народ», разрушили это пространство межкультурной коммуникации. А многообразные конфликты на политической, социально-экономической или культурной почве, сопровождавшие распад соответствующих структур и обнажившие десятилетиями копившиеся проблемы, рассматривались в привычных категориях – как «межнациональные». Именно так они воспринимались и участниками конфликтов – реальными актами отграничения от «других», нетерпимости, непонимания, недоверия.

В действительности же крупные межэтнические конфликты случаются не так уж часто. Они представляют собой точки болезненных разрывов в длительной повседневной практике сосуществования разных культур. Мультикультурные регионы, вопреки расхожим представлениям и мнению некоторых историков национализма, являют собой не столько «взрывоопасные» зоны, сколько «полигоны», на которых веками вырабатывается опыт мирного межкультурного сосуществования.

Это подтверждается и результатами проведенного авторами с 2013 г. анкетирования жителей Казани – одного из крупнейших, динамично развивающихся мультиэтнических городов России. Из более чем 200 опрошенных почти половину (48%) составили представители так называемого «последнего

советского поколения» – люди, родившиеся между серединой 1950-х и началом 1980-х годов. Их восприятие национальной политики государства, самоидентификация и идентификация «других», повседневная жизнь и общение в мультикультурном городе представляют собой уникальный опыт. Его осмысление будет способствовать пониманию процессов, которые происходили в России в конце XX – начале XXI в. и происходят сегодня. Выборка респондентов осуществлялась авторами по методу «снежного кома»: первоначально анкеты были розданы студентам-историкам Казанского федерального университета; заполнив анкету, они должны были сами найти еще одного респондента, принадлежавшего к другому поколению горожан. В качестве таковых нередко выступали бабушки, дедушки и родители наших студентов. Самая старшая из ответивших родилась в 1927 г., самые молодые – в 1996 г. Авторство анкет было разнообразным и достаточно репрезентативным с точки зрения этнонациональной, социальной и гендерной принадлежности опрошенных. К русским отнесли себя 56% респондентов, к татарам – 30,4 (среди студентов, отбравших респондентов среднего и старшего поколения, русские составили 55%, татары – 33,3, что сказалось на результатах выборки), 6,5% составили чуваша, мари, башкиры, лезгины. Остальные (все они родились в смешанных браках) со своей этнической принадлежностью не определились. Помимо студентов, в анкетировании приняли участие представители различных социальных и профессиональных групп: экономисты, юристы, инженеры, техники, строители, сотрудники МВД и военнослужащие, учителя, воспитатели, частные предприниматели, представители рабочих профессий и др. 80% опрошенных – женщины.

Принимая во внимание тот факт, что на 1970–1980-е годы приходился расцвет «предписывавшейся» властью «двойной идентичности» жителей СССР, нас прежде всего интересовало, как эта идентичность переживалась и осознавалась жителями столицы Татарстана – Казани. Исходя из этого, все вопросы в анкетах были разделены на четыре группы.

Первая группа вопросов была обозначена как «персональные сведения»: фамилия, имя, отчество – по желанию; год и место рождения; образование, специальность и сфера профессиональной деятельности, а также вопросы, направленные на выявление национальной, религиозной и поколенческой самоидентификации респондента.

Вторая группа включала вопросы, связанные с этнонациональным маркированием городского пространства Казани (например, «Отличались ли районы города с точки зрения этнической / национальной принадлежности преобладающей части их населения?»), вопросы, выясняющие самооощущение жителей мультиэтничного города («Нравится ли Вам жить на “культурном пограничье”»), вопросы, выявляющие оценочные или прогностические суждения респондентов (например, «Раньше Казань выглядела как: а) мульти-

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

этнический; б) преимущественно “русский”; в) преимущественно “татарский” город и почему?»; «в перспективе Казань будет развиваться как: а) обычный, типичный постсоветский город; б) как город с отчетливо выраженным национальным / этническим колоритом; в) по типу “плавильного котла”, когда произойдет сплав и в конечном итоге растворение национальных культур друг в друге?»). Завершал раздел вопрос: «Мультиэтнический характер Казани является позитивным или негативным фактором для ее современного состояния и последующего развития?»

Третья группа вопросов была направлена на исследование того, как индивид вписывается в межкультурную среду, начиная с детского возраста. Сюда же вошли вопросы, касающиеся состояния национально-культурных отношений в СССР / постсоветской России («Какой период в истории нашей страны был самым мирным с точки зрения межнациональных и межконфессиональных отношений? Почему?»; «Толерантное отношение к “другим” было более очевидным в советское или постсоветское время, прежде или теперь, и в чем это проявляется?»).

Последняя группа вопросов была нацелена на изучение надэтнической советской идентичности как идеологии и как реального исторического феномена. Анкетированным предлагалось ответить на такие, например, вопросы, как «Что такое советский народ и кто его составлял?», «Когда он сформировался и когда перестал существовать»? «Ощущали ли Вы себя советским человеком – частью советского народа?» и др. Эти вопросы были адресованы как представителям старшего и среднего поколения, так и молодым людям, родившимся в конце советской эпохи или в постсоветское время, у которых представления о «советском народе» и «советскости» формировались в основном в период резко негативного отношения к этим феноменам в России. Тем интереснее и неожиданнее оказались полученные ответы.

В целом полученные ответы отчетливо продемонстрировали «множественную идентичность» – осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе или даже к нескольким этническим группам (дети от смешанных браков) и одновременно – к надэтнической общности «советский народ» – при акценте на ее важной роли для гармонизации межнациональных отношений.

Как правило, респонденты, описывая свое детство и юность, приходящиеся на 1970–1980-е годы, отмечали, что осознавали принадлежность к «своей» этнической группе. Интересны индивидуальные «истории узнавания» о национальных различиях и о собственной принадлежности к одной из групп. Чаще всего это происходило в раннем школьном или дошкольном возрасте. Нередко ребенок довольно долго не имел представления о национальности – ни собственной, ни друзей, учителей или сверстников. Интерес к собственной идентичности порождали либо соответствующие сообщения

родителей и других родственников, либо общение со сверстниками, соседями и пр. Иногда этот интерес вызывался школой. В школьных журналах, например, существовала графа о национальности родителей; к тому же в рассматриваемый период было введено факультативное преподавание татарского языка во всех школах Казани. Значительное количество детей, рожденных в межнациональных браках, оказывались в ситуации выбора (посещать или нет уроки татарского языка), получали первый опыт самостоятельного (или не без влияния родителей) «национального самоопределения». Респонденты заявляли о своей национальной принадлежности в полном соответствии с существовавшей практикой причисления к этнической группе скорее по «биологическим», нежели по культурным основаниям.

Преобладающее большинство опрошенных (87% татар и 69,8% русских, родившихся в конце 1950-х – 1970-е годы) утвердительно ответили на вопрос о том, нравится ли им жить в многоэтничной городской среде: «Мне нравится жить в многокультурной стране. Это расширяет кругозор; наблюдать за обычаями и традициями других культур очень интересно» (татарка), «Нравится. Я всех люблю, жить в мононациональном городе скучно» (русский); «не очень одобряю “культурное пограничье”, так как это ведет к бесконечным конфликтам, особенно религиозным. Хотя это не касается отношений между татарами и русскими» (татарка); «нравится, так как в Казани нет открытой вражды, нет явных межнациональных конфликтов» (русская); «Казань – мой родной город, и я привык жить рядом с людьми другой религии и национальности, мне это даже нравится» (русский), «нравится, хотя особого значения этому в обычной жизни не придаем. Здесь родина» (русская), «я привыкла жить в “культурном пограничье”» (татарка).

Большинство респондентов этого поколения важным элементом своей идентичности считает принадлежность к советскому народу. Причисление себя к этой надэтнической общности обуславливает и соответствующее отношение к представителям этносов, веками проживавшим бок о бок на этой же территории, и к «неместным» народам. Яркий показатель минимальной межэтнической дистанции – это и традиционная соседско-дружеская кооперация, и родство с представителями других национальностей через брак. Практически все респонденты ответили, что у них всегда были друзья «и русские, и татары. Все это не имеет для меня значения, главное, чтобы человек был хороший» (русский); «среди моих друзей есть как русские, так и татары. В выборе друзей это не имеет для меня решающего значения» (татарка).

Как свидетельствуют данные статистики, рост межнациональной брачности – и в целом по РСФСР, и в Татарской республике – был весьма заметен в 1960–1970-е годы. В Казани за этот период доля межнациональных браков увеличилась более чем вдвое. Так, среди заключенных в Казани в 1980 г.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

браков 23,6% относились к межнациональным. До 1990-х годов включительно возрастание доли межнациональных браков продолжалось, и к 1999 г. показатель межнациональной брачности в Татарстане достиг 25,7%. В 1989–1990 гг. более 54% городского татарского населения республики полагало, что национальность в браке не имеет значения, а нежелательными такие браки считали только 13,5% горожан [2, с. 328–329].

Более половины от общего числа национально-смешанных семей приходилось на русско-татарские семьи: межэтническая дистанция между этими двумя этническими группами была минимальной. Практически каждый из опрошенных казанцев позднесоветских поколений говорил о многочисленных примерах межнациональных браков в своем окружении и о построении семейных отношений внутри межэтнического брака. Наши респонденты рассказывали о том, как в их семьях, семьях их родных, друзей и знакомых решались вопросы, связанные с культурными различиями: выбора национальности детей, языка повседневного общения в семье, празднования национальных и религиозных праздников, взаимоотношений с родственниками супруга / супруги и пр. Примечательно, что при всем разнообразии вариантов, ни одна из моделей, как правило, не означала полного разрыва с культурной группой и культурными традициями каждого из супругов. Внутри семьи, в отношениях с супругом, детьми, родственниками разных национальностей фактически строилась гибкая ситуативная модель поведения. В бытовой плоскости она основывалась на идее компромисса давних традициях соседско-дружеских взаимоотношений. Идеологическое обоснование эта модель черпала в практике «советских взаимоотношений» представителей разных наций. В результате респонденты не придавали вопросам национальной принадлежности и сохранения идентичности в национально-смешанной семье решающего значения.

Показательно, что, определяя «самый мирный» в межнациональных отношениях период в истории России / СССР, почти все респонденты, принадлежащие к позднесоветским поколениям, отдали безусловное предпочтение «советскому времени», причем многие – «брежневскому» периоду: «По-моему, тогда не придавалось вообще значения, какой ты национальности» (русская, 1957); «период правления Л.И. Брежнева, потому что одним из главных в отношениях между людьми был лозунг “Дружба народов...” Прививалось уважительное отношение ко всем национальностям без исключения» (русская, 1964); «в СССР... все народы жили мирно, это прививалось везде, среди представителей высшего руководства были представители разных национальностей» (татарин, 1970); «период застоя, во время правления Брежнева. Тогда все были равны» (татарка, 1972).

Принадлежность к «советскому народу» рассматривалась (или подразумевалась) респондентами этих поколений едва ли не как основной фактор

упрочения и гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, а сохранившиеся «советские» традиции в этой сфере – как важнейший стабилизирующий фактор в условиях постсоветской ситуации.

Постепенное разрушение с 1990-х годов пространства межкультурной коммуникации, искусственная дискредитация идеи «советскости» вели к стремительному увеличению межэтнической дистанции. Об этом свидетельствует, в частности, довольно резкое изменение отношения к межнациональным бракам: нежелательными назвали их в 1994 г. 30,8% татар-горожан, в 1998 г. – 36,9% (против 13,5% в 1989–1990 гг.) [2, с. 328–329]. И потому на косвенный вопрос: «Как должны воспитывать детей супруги разных национальностей и разной религиозной принадлежности?» встречались и такие ответы «внуков»: «Считаю данный вопрос неразрешимым. Именно поэтому лично я хотя и не категорически, но все же предпочитаю несмешанные браки» (русская, 1983). Такие ответы едва ли составили более 5%, но нельзя не учитывать, что респонденты обязательно подвергали написанное самоцензуре. (Если представители среднего и старшего поколения могли отвечать на вопросы анонимно, то студенты не были в этом заинтересованы, поскольку за каждую заполненную анкету получали дополнительные бонусные баллы за работу в семестре.)

Настораживает и то, что 23,3% респондентов-русских, в основном, молодежи 1990-х годов рождения, – заявили о желании жить в «моноэтничном» городе, подразумевая под ним, видимо, город «русский». Среди них были как приезжие из других регионов России, так и коренные казанцы. В некоторых анкетах лиц нетатарской национальности приводились упоминания о фактах лоббирования или дискриминации по национальному признаку, однако сами анкетированные, по их словам, никогда ей не подвергались, а лишь «слышали» или «читали» о ней: «Часто слышу от своих знакомых, (что) были ситуации, когда человек не знал татарского языка или был другой национальности (не татарской), его не брали на работу»; «я часто слышу, что для того, чтобы подняться в должности, нужно быть татаринном, однако сама с подобными примерами не сталкивалась».

Тем не менее ресурс советской модели гармонизации межэтнических взаимоотношений до конца отнюдь не исчерпан, поскольку живы представители поколений, считающих себя представителями надэтнической общности «советский народ». Они в значительной степени сохраняют соответствующую практику повседневного общения, а многие – и прежние межэтнические связи, в том числе родственные. Этот повседневный опыт они – с разным успехом – пытаются передать представителям младшего поколения, своим детям и внукам.

Пожалуй, ключевым для характеристики взаимоотношений между традиционно проживавшими в Казани этнососедями – татарами и русскими –

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

является следующий ответ: «Мне интересно узнавать о жизни другой культуры, но при этом я не ощущаю себя “чужой”» (русская, 1987). Здесь действительно сложился вековой опыт сосуществования двух основных для этого региона национальных общностей – татарской и русской, сплавленных в едином «культурном котле» и не потерявших при этом своего своеобразия. Именно поэтому, характеризуя Казань как «имперский “хартленд”», ряд современных исследователей проблем этнонационализма утверждает, что проживавшие здесь русские и татары (православные и мусульмане) «не были ни “друзьями”, ни “врагами”. Они были “соседями”» [3, с. 12] – «иными», «другими», но редко «чужими».

Место «чужого», как показали анкеты, заняли сегодня мигранты из стран «ближнего зарубежья», в особенности лица «кавказской национальности». Анкеты продемонстрировали практически неприкрытую неприязнь к этим людям многих из опрошенных – и русских, и татар, принадлежащих к разным поколениям, негативное отношение к их переселению в Казань: «Раздражает странный непонятный язык, способность собираться большими компаниями и вести себя на территории не своего дома, как хозяева... Главное, чтобы они вели себя адекватно и как гости» (русская); «не очень хорошо отношусь... Считаю, что это может повлиять на покой граждан, привести к развалу... культур» (русский); «мне бы не хотелось, чтобы слишком много приезжих в лице тех же гастарбайтеров проживало в моем регионе. Как правило, к нам приезжают не самые образованные представители этих народов и не самые законопослушные, что негативно влияет на культурную и криминальную обстановку в обществе. К тому же зачастую они оставляют без работы местное население...» (русская); «мне не очень нравится их поведение (я имею в виду выходцев из Средней Азии и Кавказа)... Произойдут изменения не в лучшую сторону» (татарка); отношение к ним «отрицательное, так как ассоциируются с бандитами» (татарка); «они наглеют...» (татарка). Таких ответов едва ли не половина.

«Чужими» для отвечающих являются и носители идей исламского радикализма, в котором большинство опрошенных видят основную угрозу миру и стабильности: «Пугают радикальные настроения в исламе» (русская); «сейчас начинают пугать радикально настроенные мусульмане» (русская); «пугают религиозные фанатики» (татарка); «раздражающие и отталкивающие факторы есть. Отталкивает радикальный ислам» (русский); «я считаю некоторых мусульман слишком агрессивно настроенными» (татарка); «меня пугают исламисты в связи с террористическими актами» (татарка).

Дифференцированное отношение к представителям разных этнических групп и фактическое отсутствие надэтнического фактора гармонизации отношений, который признавался бы представителями всех культурных сообществ (согласимся: идея «российской идентичности», предложенная взамен

«советскости», пока плохо усвоена), разумеется, не означает отсутствия межэтнического взаимодействия и кооперации. Они лишь испытали корректировку и дифференциацию под воздействием социально-экономических причин, усилившейся дистанцированности жителей больших городов друг от друга, сократившемуся опыту повседневного соседского общения в целом.

Тем не менее в главном и основном модель межкультурного взаимодействия и кооперации двух ведущих этнических групп в республике – татар и русских, межэтническая дистанция между которыми на протяжении многих десятилетий остается минимальной, – продолжает сохраняться. Она поддерживает межэтнический баланс и создает условия для демократического обсуждения проблем, возникающих в культурно-плюралистическом обществе.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М., 2012. – 408 с.
2. Мусина Р.Н. (2001). Семья и семейный быт // Коллективная монография «Татары» / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – М., 2001. – С. 327–339.
3. Не возлюбил ближнего: Динамика соседства, дружбы и вражды // *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. – Казань, 2010. – С. 9–16.
4. Ушакин С. Поле пола. – Вильнюс, М., 2007. – 320 с.